

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ,

ЧАСТЬ LV.

1915.

ФЕВРАЛЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1915.

Вологодской губерніи. Потомки этихъ князей въ XIV в. еще княжили на Бѣломъ Озерѣ и въ Устюгѣ Великомъ. Новгородскія лѣтописи упоминають о походахъ новгородцевъ на устюжскихъ князей подъ 1324 г. и позднѣе.

Затѣмъ, представляетъ интересъ статья И. Г. Голанова „О диссимилативномъ аканьѣ“, снабженная картой; послѣдняя указываетъ на границы интереснаго явленія. Эта статья была бы болѣе цѣнною, если бы авторъ ограничился несомнѣнными явленіями диссимилативнаго аканья (*кызá*—*коза* и т. п.) и не спутывалъ ихъ съ другими явленіями, такими, какъ *и* въ *висна́*—*весна* и *у* въ *пупáль*—*попáль*. Хронологическая разница между этими явленіями должна быть довольно значительна. По нашему мнѣнію, въ *пупáль* и т. п. никогда не было аканья, и мы имѣемъ дѣло здѣсь съ переходомъ закрытаго *о* въ *у*. Во всякомъ случаѣ *у* въ *пупáль* и т. п. достаточно извѣстно въ такихъ говорахъ, гдѣ нѣтъ *ы* въ *кызá* и т. п.; см. хотя бы на стр. 90 „Трудовъ“.

А. Соболевскій.

Нѣсколько замѣчаній о норманской теоріи происхожденія Руси.

(По поводу рецензіи А. А. Шахматова на мою книгу).

Глубокое нравственное удовлетвореніе доставило мнѣ ознакомленіе съ рецензіей на мою книгу—„Начало христіанства на Руси“ академика А. А. Шахматова (август. кн. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1914 г.), котораго я имѣю дерзновеніе считать своимъ учителемъ, такъ какъ послѣднія мои работы и въ частности названная книга моя стоятъ въ несомнѣнной зависимости отъ изысканій А. А. Шахматова. Съ чувствомъ глубокой благодарности принимаю къ свѣдѣнію и руководству всѣ замѣчанія досточимаго А. А. Шахматова, которыми не премину воспользоваться при намѣченной мною переработкѣ моей книги. Съ однимъ не могу примириться—это съ норманской теоріей, которую защищаетъ А. А. Шахматовъ и вѣру въ которую я окончательно и безповоротно потерялъ—главнымъ образомъ благодаря изученію свидѣтельствъ о Руси и славянахъ арабско-мусульманскихъ писателей IX—X вв. и научнымъ изысканіямъ самого А. А. Шахматова.

Быль ли „первымъ норманистомъ“ „киевскій лѣтописецъ начала XII в.“? Сомнѣваюсь.—Къ этому убѣжденію склоняють меня наблю-

денія надъ лѣтописью. Именно тогда, когда лѣтописецъ стоитъ „лицомъ къ лицу передъ явленіями нашей древней исторической жизни“, онъ говоритъ о норманизаціи только сѣверно-новгородской Руси, подчеркивая въ этомъ отношеніи особенность новгородцевъ отъ прочихъ русско-славянскихъ племенъ. Если же онъ Русь готовъ отнестъ къ варяжскимъ племенамъ, то въ данномъ случаѣ, полагаю, сказалось не наблюденіе его надъ явленіями окружающей его жизни (въ началѣ XII в. наблюдать это, думаю, было уже поздно), а книжное вліяніе— вліяніе въ частности того продолжателя Амартола, который пытался Русь причислить къ варяжскимъ племенамъ. Но убѣдительно ли для насъ авторитетъ жившаго далеко отъ Руси иностранца—грека? Не думаю. Въ то далекое и довольно темное время, слыша о Руси и ея набѣгахъ, разные книжники пытались объяснить себѣ происхожденіе Руси, установить родство ея съ другими племенами, и вотъ мы встрѣчаемъ такіа разнорѣчивыя объясненія: Русь—это племя славянское (Ибнъ-Хордадбегъ), затѣмъ—тавроскіеы (напр., Левъ діаконъ), еще—варяги (продолжатель Амартола), шведы (извѣстное замѣчаніе въ Бертинской лѣтописи подъ 839 г.). Но все это не больше какъ посылныя попытки иностранныхъ книжниковъ судить о Руси и ея происхожденіи. Обязательность принятія ихъ для насъ болѣе чѣмъ сомнительна.

Затѣмъ—что такое „варяги“? По словоупотребленію древней русской письменности, это имя не означаетъ непременно скандинавовъ. Въ Патерикѣ и поученіяхъ того времени варягами именуются жители западной Европы вообще, латиняне. Это нужно имѣть въ виду въ частности при опредѣленіи національности того варяга—христіанина, который пострадалъ при Владимірѣ и который, конечно, нисколько не рѣшаетъ вопроса, откуда въ Киевской Руси появилось впервые христіанство.

Что до вопроса о завоеваніи Скандинавской Русью Киевской Руси по балтійско-днѣпровскому пути, то, кромѣ легенды объ Олегѣ, у насъ нѣтъ для этого другихъ данныхъ; отсутствіе въ Киевѣ культурнаго норманскаго вліянія, болшая культурность Киевскаго юга по сравненію съ норманскимъ сѣверомъ, самый характеръ норманскихъ и иныхъ набѣговъ того времени—все это не позволяетъ принять мысли о такомъ завоеваніи. Да и завоеваніе это не могло предшествовать развитію торговаго пути, а должно было бы явиться результатомъ послѣдняго, когда была понята важность этого пути, уже начавшаго функционировать.

Далѣе, завоеваніе Кіевскаго юга новгородскими норманами—Русью является неестественнымъ, если признать, что существовавшая тогда Азовская Русь была норманской и сидѣла на югѣ нынѣшней Россіи уже въ VIII—IX вв. Арабско-мусульманскіе писатели IX—X вв. ничего не знаютъ о нашествіи нормановъ на Хазарію въ ихъ время и время имъ предшествующее; съ другой стороны они свидѣтельствуютъ, что въ то время, IX—X вв., Русь жила въ Хазаріи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ хазарами, въ ряду другихъ здѣшнихъ племенъ, не занимая здѣсь господствующаго положенія и совершая набѣги—отрядами въ десятки тысячъ воиновъ—на прикаспійскія страны; вмѣстѣ съ тѣмъ эта Русь занималась тутъ торговлей, мирилась съ хазарами и ихъ порядками, платила имъ торговую пошлину и т. п. Стало быть, въ VIII в. уже должна была въ сосѣдствѣ съ хазарами, въ Подоньѣ и Приазовьѣ, жить Русь, которой, пожалуй, ближе было до Кіева, чѣмъ Руси Новгородской. Если бы это была Русь пришлая, норманская и дѣлающая завоеванія, то ей отсюда легче и естественнѣе было покорить Кіевъ, чѣмъ изъ Новгорода.

Я оставляю въ сторонѣ спорныя филологическія изысканія объ имени „Русь“. Беру вопросъ иначе: норманы, оставившіе свой слѣдъ въ Новгородской области, не оставили такового ни въ Кіевской, ни въ Азовской Руси. Здѣсь нѣтъ ихъ культурнаго слѣда, да и не могло быть: тутъ жили племена болѣе культурныя. Если бы норманы и смогли ихъ завоевать, покорить себѣ, то это было бы временное, случайное завоеваніе, отъ котораго потомъ, особенно въ виду отдаленности Скандинавіи, не трудно было бы освободиться. А такихъ попытокъ къ освобожденію отъ норманскаго ига здѣсь мы не знаемъ.

Попытка Е. Е. Голубинскаго и И. И. Малышевскаго приписать норманамъ христіанизацию Руси Кіевской давала большой козырь въ руки норманистамъ; нынѣ эту попытку не принимаетъ самъ А. А. Шахматовъ, указывая на христіанизирующее вліяніе на Русь Болгаріи. Стало быть, падаетъ послѣдняя возможность указать какой-нибудь культурный слѣдъ нормановъ въ Кіевѣ.

Исторія варяга-мученика, конечно, не рѣшаетъ этого вопроса; прежде всего ее въ данномъ случаѣ можно почти игнорировать, какъ фактъ единичный.

Еще одинъ вопросъ. Руси Азовской мною приписано большое значеніе въ жизни Кіева, во-первыхъ, въ силу именно ближайшаго сосѣдства и тѣсной связи ея съ хазарами, владѣвшими одно время Кіевомъ, и, во-вторыхъ, въ виду напряженной борьбы съ юго-западомъ

(древляне, тиверцы, угличы) въ IX—X вв. Кіева (Аскольда и Игоря), закрытаго, стало быть, въ это время отъ болгаръ дунайскихъ и ихъ вліянія—до временъ Святослава и болѣе открытаго для воздѣйствія хазарско-русскаго юго-востока, испытывавшаго издавна византійско-еврейскія вліянія.

Пишу эти строки не изъ желанія возражать высокочтимому мною А. А. Шахматову, а единственно въ интересахъ уясненія древнерусской жизни, къ которому я такъ стремлюсь.

В. Царховскію.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Симоновъ, И. С. Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ. 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Петроградъ 1914. 85 стр.

1-го октября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ первой книги журнала „Педагогическій Сборникъ“. Это самый старшій въ настоящее время специально педагогическій журналъ. Хотя онъ возникъ и издается при военно-учебныхъ заведеніяхъ, но казенный штемпель на немъ замѣтенъ очень мало, официальный же отдѣлъ занимаетъ незначительное мѣсто. Мысль объ изданіи собственнаго педагогическаго органа принадлежитъ первому начальнику военно-учебныхъ заведеній генералу Н. В. Исакову. Это былъ человекъ крупнаго калибра, просвѣщенный и передовой, поставившій военно-учебное вѣдомство на недосыгаемую до тѣхъ поръ высоту. Онъ обратилъ вниманіе на то, что издававшійся въ то время „Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній“ утратилъ свое значеніе, и остановился на мысли замѣнить его педагогическимъ органомъ. Осуществленіе этой мысли было поручено извѣстному педагогу Н. Х. Весселю, который и редактировалъ „Педагогическій Сборникъ“ до 1882 г. За это время въ журналѣ было отведено много мѣста капитальнымъ трудамъ по различнымъ отраслямъ педагогики, какъ оригинальнымъ, такъ и въ особенности переводнымъ: Ушинскаго, Герда, Эрисмана, Лесгафта, Бенеке, Гербарта, Раумера. Здѣсь же появился цѣлый рядъ трудовъ по философіи въ связи съ педагогикой Н. Г. Дебольскаго. Статьи Н. Г. Дебольскаго представляли выдающійся интересъ, но, повидимому, главное управленіе военно-учебныхъ заведеній считало ихъ не соответствующими задачамъ журнала. Была образована коммиссія для пересмотра программы, въ изданіи произошла какая-то заминка, оставшаяся невыясненною и у автора разсматриваемой брошюры, и Н. Х. Весселя смѣнилъ за редакторскимъ столомъ А. Н. Острогорскій. Новый редакторъ, повидимому, не стремился къ помѣщенію крупныхъ работъ и приблизилъ изданіе къ типу ежемѣсячниковъ, отражающихъ текущіе интересы школьнаго дѣла. Съ 1910 г. редакторомъ состоятъ авторъ очерка. Къ сожалѣнію, какъ видно изъ очерка, „Педагогическій Сборникъ“ не пользовался широкимъ распространеніемъ и при Н. Х. Весселѣ печатался въ количествѣ всего только 600 экз.

